

Поезд, стальной левиафан с огненным сердцем, мог реветь 330 километров, но дыхание его было коротким, продолжавшимся всего двенадцать часов. Топливо истощилось, как угасающие угли костра, заставив Цинь Аня укутать покровом ночи. Железные легкие поезда сохраняли тепло от пронизывающего холода, являясь убежищем от замерзшего мира снаружи.

Он вышел из кареты с лопатой и ружьем своих товарищей среди пустынного ландшафта. Оставалось двести тридцать километров — ничтожное расстояние для путешествия, требующего тысячи километров. Сумерки длились семнадцать часов, это обширное пространство тьмы, где выживание зависело от поиска достаточного количества топлива, чтобы пронзить мрак. Семьсот километров все еще отделяли его от безопасности.

Голод глозал его живот, но время было неумолимым хищником. Он двинулся вперед, его ботинки хрустели по бескрайнему белому пространству. Равнины, лишённые даже единого холма, простирались перед ним, как замерзшее полотно.

«Ах», — вздохнул Цинь Ань, усталость оседала в его костях после двух километров неустанного пути. Он искал передышки, но затем сквозь линзу бинокля из ослепляющей белизны появился черный силуэт. Здание, бросающее вызов монохромному ландшафту, его флаг развевается на ветру, как маяк надежды.

Оно было близко, всего в тысяче метров, и сердце Цинь Аня ускорило от предвкушения. Он знал, что внутри этих стен находится топливо. Солнце опустилось ниже, отбрасывая длинные тени, не оставляя ему иного выбора, кроме как отказаться от отдыха и бежать навстречу обещанному теплу и пище.

Когда он приблизился, замысловатый узор флага стал яснее. Он напоминал знаки, выгравированные на мертвых деревьях, только более тонкие и изысканные. «Возможно, — размышлял Цинь Ань, — это их знак, молчаливое свидетельство тем, кто пал».

Вероятность нахождения других выживших внутри здания была высокой. В этом мире, опустошенном войной и лишениями на протяжении столетия, надежда стала драгоценным товаром. Он крепче сжал дробовик, его ум лихорадочно обдумывал возможные варианты. Неизвестное таило в себе и опасность, и спасение.

Он осторожно подошел, не подозревая, что за ним наблюдают. Внутри здания одинокий рабочий, вооруженный только лопатой и сердцем, полным страха, наблюдал за каждым движением Цинь Аня.

Воздух был тяжелым от тишины опустошенного мира. Даже если он выскочит через разбитую дверь, его побег будет мимолетной надеждой. Открытие было неизбежным, возможно, даже встречено градом пуль. Однако пребывание на пионерской станции предлагало другой риск — честность.

Он представил себя стоящим на коленях, сдающимся невидимой силе, управляющей этим пустынным ландшафтом. Если бы он это пережил, последствия не были бы ужасными. Мир

сжался, его население сократилось до одной десятой от прежнего. Ресурсов было мало, но труд был еще более ценен.

Это поняли главные святыни, те загадочные центры силы, которые восстали из пепла. Они не просто убивали тех, кто сдался; они приняли их, пополнив свои ряды усталыми телами. Каждое новое рождение в приютах было поводом для праздника, проблеском надежды в наступающей тьме.

"Так тихо?" — пробормотал Цинь Ань, его голос был едва слышен шепотом на фоне тишины. Он прижал ухо к обветренному дереву входа на пионерскую станцию, стараясь услышать хоть малейший признак жизни внутри. Дробовик, который он сжимал, казался в его руке успокаивающе тяжелым, словно щит от неизвестного. Быстрым пинком он ворвался в дверь, имитируя драматические выходы героев из фильмов, которые он раньше смотрел.

Хлопнуть!

Хлипкая дверь раскололась, обнажив рабочего, который уже давно потерял надежду. Он беззвучно рухнул на пол, на его лице отразилось отчаяние.

«Господи, пощади мою жизнь! Я готов присоединиться к Твоему святилищу!»

Цинь Ань ошеломленно смотрел. Что это был за странный поворот? Он в недоумении почесал голову. Его процессор, перегруженный неожиданным поворотом событий, грозил перегреться.

"Кто ты?" — потребовал Цинь Ань резким от подозрения голосом. Он поднял дробовик, его холодное оружие стало ярким напоминанием о суровой реальности, в которой они жили. Он знал, что страх — мощное оружие.

— Я... я работник приюта «Рассвет», — заикаясь, проговорил мужчина, его голос дрожал. Он ответил на каждый вопрос, который ему задавал Цинь Ань, даже раскрыл вход в их скрытое убежище. Его отчаяние в выживании было ощутимым.

Но Цинь Ань не собирался его убивать. Он все еще боролся с чудовищностью своего положения, внезапным переходом от нормальной жизни к этому жестокому новому миру. Убийство казалось простым решением, но что-то удерживало его. Ему нужно было время, ему нужно было осмыслить ситуацию.

После быстрого поиска Цинь Ань приказал мужчине присесть на корточки у стены. Затем он начал рыться в скудных запасах на станции. Еды и воды было мало, но, к его удивлению, он нашел уголь — его сокровищницу.

«Вот что мы нашли в шахте за последние несколько дней», — сказал мужчина, его голос был наполнен смесью надежды и страха. «Его там тонна. Если хочешь взять, я могу тебе помочь».

Цинь Ань взглянул на него, затем взял со стола кусок черного хлеба и сломал его пополам.
"Есть."

Мужчина с благодарностью взял хлеб и сожрал его, глядя на Цинь Аня со смесью благодарности и опасения. Цинь Ань начал есть, вкус хлеба был шероховатым и неприятным, даже с кусочками дерева.

«В нем есть древесная щепа?» — спросил он, поморщившись.

«Да-да, — ответил мужчина, — а еще есть порошок, измельченный из листьев Канзана».

Листья Кансана, выносливого растения, выросшего после апокалиптических морозов, были съедобны, но при употреблении в больших количествах могли вызвать серьезные проблемы с пищеварением. Цинь Ань почувствовал, как его охватила волна тошноты. Этот мир был не только лишен надежды, он также был полон опасностей, скрывающихся в каждом углу.

<http://tl.rulate.ru/book/103988/4444994>